

лами своими того укрывают, да будет ночь: и яко все системе все-ленные такое есть, каковое Куран учит быти?». Не чувствуется, чтобы Д. Кантемир был удовлетворен ответом учителя, скорее он приводит слова последнего, чтобы показать, как ложное учение, противоречащее разуму, делает человека неискренним перед самим собой, заставляет идти на компромисс с умом и совестью. Тем более, что автор никак не реагировал на последующий выпад учителя против христианского изречения «о вельбуде и ушах иглиных».

Легендам Корана Д. Кантемир противопоставляет не только истинную религию христиан, но и взгляды «мухаммеданских афеистов, людей zelo ученых и в фисических вещах искуснейших». Интерес и симпатии автора к ним очевидны из этой характеристики, но необходимо уточнить, что подразумевает он под атеизмом. Для него «афеисты», которые «все отмежут, презирают и яко невозможное и ненужное быти рассуждают», — это люди, отрицающие все догмы религии, но имеющие внутреннее чувство веры. Именно эта позиция, а не материализм и безбожие, приходится по душе философу и естествоиспытателю Дмитрию Кантемиру. Но и в этом случае члены Синода всполошились не зря: такая книга была подрывом основ всякой религии, если даже автор не ставил перед собой подобной задачи. «Книгу Систиму» можно сравнить по ее объективному смыслу с «Историей оракулов» Фонтенеля, в которой разоблачение одного из порождений невежественного, непросвещенного человеческого ума применимо к чудесам вообще, недаром католическая церковь сразу отметила нечестивое направление этой книги. И в России подобная книга смогла появиться в печати лишь при Петре I и по его воле. Неизвестно, знал ли А. Кантемир, при всем своем знакомстве с творчеством Фонтенеля и лично с ним, «Историю оракулов», «первое нападение научной мысли на основы католицизма»,¹¹ но «Книгу Систиму» он знал наверняка. Ее переводил с латинского И. Ю. Ильинский, в библиотеке Константина Кантемира сохранилось два экземпляра этой книги; хотя в 1722 году Антиох был еще очень молод, но к тому времени, когда он составлял биографию своего отца, участвовал в переводе и изданиях его «Истории Оттоманской империи», он не мог не знать этого произведения. Многие идеи этой книги были близки ему, к некоторым он пришел позднее, «через мышления и годы».

После смерти Д. Кантемира 15-летний Антиох просил Петра I «отправить его за границу, подчеркивая свое «крайнее желание» учиться, а с 1726 года он начал слушать лекции в Петербургской академии наук. О Кантемире как питомце академического Универ-

¹¹ Г. Лансон. История французской литературы. XVII век. Пер. с франц. З. Венгеровой. СПб., 1899, стр. 14.